

А.А. Коростелёва

Александр Николаевич Радищев

(к биографическому очерку)

В отечественной истории литературы бытует традиционный взгляд на литературную и общественную деятельность А.Н. Радищева, согласно которому он был пламенным революционером, агитатором и конспиратором, стремившимся в самом буквальном смысле свергнуть царскую власть и даже – в представлении наиболее радикальных советских критиков – пытавшимся организовать ни много ни мало вооружённое восстание.

“Радищев был человеком осторожным и в то же время решительным, – писал в своём предисловии к “Полному собранию сочинений” Радищева Г.А. Гуковский. – Он не был писателем, который довольствовался книжным бунтом. (...) Он рвался к практической, революционной общественной деятельности. (...) Он искал союзников, искал среды для пропаганды. До нас дошло очень мало материалов о деятельности Радищева как агитатора и организатора, и это понятно, так как все следы такой деятельности уничтожались. К тому же Радищев вёл работу, видимо, стремясь законспирировать её. Но что такая деятельность была, это мы можем утверждать с несомненностью. В особенности она оживилась в 1789 году вместе с общим подъёмом волны революции в Европе. (...) Он завёл типографию у себя на дому и напечатал в ней сначала почти революционную брошюру, а затем революционную книгу. В 1789 году в Петербурге образовалось политическое литературное “Общество друзей словесных наук” (...). Радищев вступил в это общество и повёл в нём свою пропаганду (...). Ко времени выхода в свет “Путешествия” Радищев был крупной фигурой в Петербурге. Довольно видный чиновник, друг одного из представителей аристократической фронды – Воронцова, человек уже не молодой, вполне зрелый, мыслитель огромного размаха и невиданной ещё в России глубины, человек энциклопедических знаний, он не мог не импонировать молодым, горячим свободолюбцам. Его влияние становилось опасным для правительства помещиков, тем более что он имел связи в различных кругах, – и среди литераторов, и среди офицерства, и среди купечества русского и иностранного и даже в вельможном кругу.

В том же 1789 году Радищев предпринял шаги к тому, чтобы расширить свою деятельность, установив связь с Городской Думой, а

затем попытался перейти от пропагандистской работы к организации вооружённой силы”¹.

Пусть следующий за этим пассаж об “организации вооружённой силы” останется на совести биографа. Единственное, что может послужить к его оправданию, – это то, что все приведённые выше измышления относительно подпольной деятельности Радищева датируются 1938 годом, когда создавались документы и пострашнее этого.

Между тем, если внимательно проанализировать все события и обстоятельства, сопутствовавшие изданию “Путешествия из Петербурга в Москву”, то цели Радищева становятся гораздо яснее, равно как и то, что надежды, возлагавшиеся им на эту книгу, мало имели общего с революционной пропагандой.

Существует письмо Моисея Николаевича Радищева к графу А.Р. Воронцову от 10 августа 1790 года, опубликованное в 1959 году Д.С. Бабкиным² и довольно вяло им прокомментированное. Между тем, если отнести к этому документу внимательно, ситуация вырисовывается весьма неординарная:

На прошедшей почте имел я из Петербурга (сведения), что ныне открылось, что брат Александр Николаевич должен около тридцати тысяч рублей. Таковая немалая сумма должна заплачена быть из имеющегося имения брата моего, но как в Петербурге имения у него никакого нет, да и от отца мы все еще не отделены, то сему долгу заплачену быть надлежит из имения отца нашего.

/10 августа 1790 г. Из Архангельска/

Замечания, сделанные по этому поводу Бабкиным, суть следующие: “Радищев испытывал перед арестом одно затруднение (...). Оно состояло в больших денежных долгах. (...) На издание и какие-то другие мероприятия Радищев потратил большие суммы денег. (...) На покрытие такой большой по тому времени суммы не хватило бы всего имущества, которое он мог получить по наследству от своего отца. Денежный долг Радищева, сопряжённый с возможным разорением детей, несомненно сковывал свободу действий его перед арестом”³.

На наш взгляд, тридцать тысяч долга – обстоятельство, заслуживающее менее поверхностной интерпретации. Дело в том,

¹ Гуковский Г.А. *Предисловие* // Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений*. – М.-Л., 1938-1952. Т.1. С. V-VI.

² Бабкин Д.С. *Первые биографы Радищева*. В кн.: Радищев Н.А., Радищев П.А. *Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями*. – М.-Л., 1959. С.33 (Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд., собрание Воронцова, № 862, л.9).

³ Там же, с.32-33.

что даже просто *успеть сделать* такие долги в короткий срок до ареста было совершенно невысказимо (если учесть, что Радищев, по воспоминаниям своего сына Павла, был противником карточной игры). Для сравнения: осенью 1783 года Воронцов пишет к графу Безбородко, прося увеличить жалованье Радищеву до 750 рублей в год, которые полагались по закону советнику Казённой палаты (на тот момент жалованье Радищева – 450 рублей в год⁴). Ещё пример: в декабре 1778 года Радищев берёт в Коммерческом банке заём в 300 рублей; в декабре 1779 года он просит об отсрочке векселя на год; в течение следующих двух лет он по-прежнему не в состоянии погасить заём и только выплачивает проценты; в январе 1782 года он вносит в банк 150 рублей и выдаёт новый вексель на оставшуюся половину суммы⁵. В этом контексте становится видно, что 30 000 рублей в семейном бюджете Радищева – цифра настолько серьёзная, что неудивительно, что о долге не знал никто из родных и сведения эти всплыли только в связи с его арестом; правда, до этого он время от времени просил у отца денег, но ни разу не называл общей суммы своих долгов, видимо, полагая, что разумнее всего скрывать от родственников масштабы своих финансовых затруднений.

И.А.Крылов в “Почте духов” упоминает о том, “как некоторые секретари самых последних мест, с помощью хорошей экономии, получая по 450 рублей в год жалованья, проживают ежегодно по 12 000 рублей и строят себе очень порядочные каменные дома”⁶. По всей вероятности, Радищев к такого рода экономии не прибегал, а между тем жизнь в столице требовала определённых издержек.

Рассматривая версию Д.С.Бабкина о том, что эти деньги были потрачены “на издание и какие-то другие мероприятия”, можно только размышлять о характере этих других мероприятий и поражаться их размаху: как известно, вся типография Шнора обошлась Радищеву в 800 рублей, следовательно, издание можно сюда не примешивать, – оно практически не идёт в счёт. Впрочем, у нас есть ещё объяснение самого Радищева в письме его к Воронцову из Илимска от 6 февраля 1792 года:

Я жил не по средствам в Петербурге и наделал много долгов, но поверите ли Вы, что теперь я думаю скопить деньги, хотя, может быть, и делаю это нескладно, потому что, как мне кажется, скарденничество никогда не будет моим ремеслом⁷.

⁴ Старцев А.И. *Радищев в годы “Путешествия”*. – М., 1960.

⁵ Там же, с.53.

⁶ Крылов И.А. *Сочинения в 2-х томах*. – М., 1969. Т.1. С. 48.

⁷ Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.* Т.3. С. 419.

После такого свидетельства Радищева отпадает, по крайней мере, предположение о неких грандиозных расходах его в течение весны 1790 года, и возникает более естественная трактовка, согласно которой он разорился всё же не мгновенно, но постепенно. Можно ожидать, что данной проблемой займутся со временем более компетентные исследователи; очень возможно, что “жизнь не по средствам” покажется им недостаточным объяснением такого расстройств в делах, отчего мы и позволим себе высказать, им в помощь, одно предположение – впрочем, совершенно бездоказательное и основывающееся почти исключительно на художественном тексте. Если мы вспомним историю человека в шляпе из главы “Спасская Полесь”, то увидим, что причиной его разорения была следующая цепочка событий: он был обманут компаньоном по коммерческим операциям и втянут в судебный процесс, окончившийся не в его пользу; далее – он теряет всё своё имущество в результате незаконных действий властей и вынужден бежать, чтобы скрыться от ареста и суда (именно в этот момент жизни его и встречает Путешественник). Так выглядит эта история, очищенная от юридических подробностей, а также от чувствительных нот в его рассказе, связанных со смертью жены. Некоторая автобиографичность последнего наводит на мысль о потенциальной автобиографичности первого (разумеется, лишь частичной и не более чем косвенно отражающей суть дела). Понимая, что положительного доказательства нельзя заменить ссылкой на авторитеты, мы решимся, тем не менее, сослаться здесь на Г.А.Гуковского, говорившего, что “Радищев всю жизнь писал только о себе самом”⁸ и на А.И.Старцева, доказывавшего, что в “Путешествии” гораздо больше автобиографического, нежели полагает Г.П.Макогоненко. Продолжая разыскания в этом направлении, попытаемся установить причину, по которой кончает с собой самоубийца в главе “Чёрная грязь” (цензурный список). В этом месте, правда, утеряны два листа, но сохранившегося текста вполне достаточно, чтобы восстановить в общих чертах их смысл: “...и от того, что сердце его терзается мздою, а не добрым именем. К нареканию общему уху его привыкло; к общему к нему мерзению присовокупится только мерзение судии его. Но похититель казны нередко бывает любим в обществе всеми, имея сам к себе не лестное почтение, казнится единою мыслию потерять общее уважение. Для сохранения его ты меня здесь видишь. Ведаю, что Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ни от кого; ведаю,

⁸ Гуковский Г.А. *Радищев как писатель*. В кн.: *Радищев. Материалы и исследования*. – М.-Л., 1936. С. 164.

что Филипп Орлеанский, вводя бумагу на пособие деньгам, ограбил Францию, но не был наказан. Ведаю, что покойной султан турецкий удавлял богачей, когда имел нужду в деньгах, и преступником не почитается. Но что мне в примерах? Добро на сем свете не есть добро само по себе, но добро в отношении. (...) – С проворством несказанным вложив пистолет в рот, спустил взведенной курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стога. Я с поспешностью удалился от сего полоумного. И въезд мой в Москву был скорбен”⁹.

Очевидно, что речь здесь идёт о растрате, причём судя по словам “нищ, презрен в горячности моей, уготован на поругание”¹⁰, преступление это уже было раскрыто, и человек ожидал суда. Так же, как и в “Спасской Полести”, буквально идентифицировать его с Радищевым нельзя (то, что известно о служебных делах Радищева, не оставляет места для таких предположений), но перед нами вновь разорение, сопряжённое с мотивом преступления и суда и одновременно переплетающееся с некоей трагедией в частной жизни (“презрен в горячности моей”). Каковы же могли быть действительные факты, преломляющиеся в обоих эпизодах? Мы (повторяем, не имея сколько-нибудь серьёзных аргументов) склонны связывать истоки разорения Радищева с постройкой им в 1783 году (год смерти его жены) дома на Грязной (позже – ул. Николаевская, ещё позже – Марата, 14)¹¹. Косвенным подтверждением этой догадки служит тот факт, что и разорение отца Радищева, Николая Афанасьевича (изначально имевшего около 3000 душ) начинается именно с 1783 года. Николай Афанасьевич помогал по возможности Александру Николаевичу, выплачивая его долги, доколе они ещё были приемлемыми, для чего продавал партиями крестьян, и по этим-то финансовым операциям можно проследить постепенный упадок его имения:

“В 1783 году из Верхнего Аблязова в два приёма продаётся 5 семей и 2 крестьянина-одиночки.

В 1787 г., погашая долг своего старшего сына-писателя, Николай Афанасьевич берёт из банка 4000 рублей и в том же году для себя занимает из Приказа общественного призрения 1000 рублей.

В 1788 г. он получает из того же учреждения 600 рублей и, как мы уже знаем, под залог только что купленных в Дворянской

⁹ Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*. – СПб, 1992. С. 306.

¹⁰ Там же.

¹¹ Об истории постройки и план дома см.: Старцев А.И. *Радищев в петербургские годы*. – Сс. 17-21.

Терешке крестьян достаёт у частного лица 5000 рублей. В залог по этим займам ушло свыше 300 душ из саратовских имений.

А в 1791 г. в Санкт-петербургских ведомостях появляется объявление о продаже клинских деревень¹².

Продолжая развивать нашу прежнюю мысль, мы позволим себе высказать осторожное предположение о том, что Радищев, вероятно, был каким-нибудь образом обманут при постройке дома, и этот случай положил начало финансовому краху его семьи. Сразу ответим на одно мелкое, но естественным образом приходящее в голову возражение: каким образом Радищев, профессиональный юрист, прекрасно осведомлённый о всех возможных видах вексельных и других махинаций, бывших в ходу при заключении сделок, мог быть обманут в досконально известной ему ситуации?

Как ни странно, мы должны констатировать, что будучи блестящим юристом, знатоком закона и, следовательно, его слабых мест, Радищев, тем не менее, проявлял некоторую непрактичность в делах, касавшихся до него самого. Примером тому может послужить хотя бы следующий сюжет.

Радищев в письме гр. Воронцову от 15 декабря 1800 года из Немцова:

Дом мой продан около восьми месяцев тому назад, но я за него еще не получил ни копейки. Из десяти тысяч рублей продажной цены, 500 пошло маклеру, столько же и еще больше по сборам. (...) – так что действительная цена стала в восемь тысяч рублей, из коих 5000 я получил заемными письмами с оплатой в течение трех лет в разные сроки; бессовестный покупатель словчил и на остальные 3000, вместо денег, выдал заемное письмо на человека, чье имение назначено к продаже с торгов и на него наложена опека, а это тоже повлекло за собою и тяжбу и издержки. В довершение всех бед мне, наравне с другими, надобно выплачивать теперь за хищения одного олонцкого торговца солью, а уж Вашему сиятельству известно, повинен ли я в этом (...)¹³.

Полагаем, что вышеприведённый документ наглядно показывает, что обмануть Радищева при совершении финансовой операции не составляло большого труда. Не настаивая на правдоподобности нашей версии с постройкой дома на Грязной, мы хотели бы лишь подчеркнуть, что указанием на покупку в рассрочку типографии здесь не обойтись.

¹² Любомиров П.Г. *Род Радищевых*. В кн.: *Радищев. Материалы и исследования*. – М.-Л., 1936. С. 349.

¹³ Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.* Т.3. С. 532.

Дальнейшую судьбу долгов Радищева проследить несложно. В 1797 году они ещё не были заплачены: см. письмо М.Ф.Кашталинского, которому Радищев остался должен 3000 рублей, где он сообщает, что Николай Афанасьевич отказался наконец выплачивать долги своего старшего сына: "...но когда я напоследок, с некоторым для меня убытком, послал к нему Царевского, то получил в ответ: кто брал деньги, тот и заплатит" (М.Ф.Кашталинский – А.Н.Радищеву; от 5 ноября 1797 года)¹⁴.

Радищев в письме к отцу из Немцова, датированном июлем 1797 года, пишет:

...а долгу моего не уплатено ни мало. Аблязовых долг весь на мне, Тухачевской, Кашталинского. Уплатено только то, что можно было уплатить деньгами Елизаветы Васильевны покойной, и он остается на моей душе. Милостивый государь батюшка, если хотите еще сделать милость со мною, если можете жалость иметь к моим детям и не переменили намерения Клинскую деревню оставить за мой долг, то прошу Вас не приказывать ее продавать (...)¹⁵.

То же и в письме к брату Моисею Николаевичу:

Долгу на мне столько же, сколько было, как я поехал (...) ...чем мне здесь жить будет теперь, но полно¹⁶.

Вопрос об этих долгах перестал существовать только со смертью Радищева.

Вернёмся к нашему разговору. Каково бы ни было происхождение денежных затруднений Радищева, в любом случае остаётся в силе соображение, что не издание книги потребовало от него издержек, повлекших за собою финансовый кризис, но что причинно-следственная связь была как раз обратной: издание должно было, по мысли Радищева, стать тем самым коммерческим предприятием, которое призвано было поправить его обстоятельства. Иными словами – "Путешествие" было коммерческим изданием.

Здесь необходимо уточнение: очевидно, оно не было задумано как коммерческое с самого начала (что мы попытаемся доказать), эта цель присоединилась к первоначальной позже 1785 года и гораздо раньше послецензурной правки. Мы берёмся утверждать, что многие фрагменты, содержащие подражание аббату Рейналю и

¹⁴ Барсков Я.Л. *Материалы к изучению "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н.Радищева*. Т.2. – М.-Л., 1935. С. 548.

¹⁵ Радищев А.Н. Там же, с. 496.

¹⁶ Там же, с. 497.

путешествию Йорика, то есть Лоренсу Стерну, равно как и все чисто развлекательные эпизоды, были введены в книгу с одной конкретной целью: из соображений успеха у читателей (и популярность Стерна с Рейналем давала право на это надеяться).

Мы не видим причин не верить Радищеву там, где он в протоколах следствия и в повинной говорит о денежном аспекте издания:

Да и самое издание книги ни к чему другому стремилось, как быть известным между авторами, и из продажи книги приобрести себе прибыль¹⁷.

С того времени, как Ея Императорское Величество всемилостивейше дозволила всем заводить типографии беспрепятственно, я, зная, сколь великой барыш многие получают, вознамерился завести у себя типографский стан (...).

Когда моя книга тиснением поспела, тогда я помышлял ее продать, и купец Зотов, которому я один давал экземпляр, торговал всю оптом; но как он мне давал мало денег и то на вексель, то я на то не согласился¹⁸.

Экземпляров я роздал очень мало, да и не имел намерения моего много отдавать, а хотел употребить их в продажу для прирбытка¹⁹.

Во время следствия Радищев часто с надеждой ссылается на Стерна и Рейналя как на разрешённых и вполне безобидных авторов, умалчивая при этом о сочинителях, имевших для него куда большее значение. Он даже склонен преувеличивать степень подражательности своей книги и влияние на него западной литературы, но только дозволенной.

Не может он того отрицать, чтоб оно не показалось произвести французскую революцию, но, однако ж, по чистой совести своей, как явиться на Страшный суд Божий, уверяет, что он сего злаго намерения не имел, а писал мыслями и штилем известного Ренальда, в чем и признает себя виновным²⁰.

...Между другими коммерческими книгами купил я историю о Индиях Реналья. (...) Слог его мне понравился. Я высокопарной (*amroulé*) его штиль почитал красноречием, дерзновенные его выражения почитал истинным вкусом, и видя ее общечитаемою, я захотел подражать его слогу²¹.

¹⁷ См.: *Дело Тайной экспедиции*. В кн.: Бабкин Д.С. *Процесс А.Н.Радищева*. – М.-Л., 1952. С. 167.

¹⁸ Там же, с. 168.

¹⁹ Там же, с. 170.

²⁰ Там же, с. 190.

²¹ Там же, с. 188.

Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Йорика; я так ее и начал²².

Аргументом в пользу того, что Радищев хотел сделать из “Путешествия” бестселлер, может быть характер послецензурной правки. Будучи спрошен о ней на следствии, Радищев отвечал:

...при самом печатании я иные места исправлял, если мне казалось что нехорошее, а прибавлении к оной не велики, как я о том объявил, в чем можно удостовериться, если в отданном запечатанном пакете все письменные листы находятся. Но по несчастию моему, думаю, многие из них утрачены.

Далее Радищев перечисляет по памяти наиболее значительные прибавления. Вопрос вот в чём: много ли в этой правке заключалось крамольного или, если хотите, сделал ли Радищев, получив рукопись из цензуры, хоть одно прибавление, которое иначе могло бы цензуру не пройти? Всегда, даже и в новейшие времена, существовало мнение, будто Радищев во время правки внёс в книгу изменения, работающие на резкое понижение лояльности и – почему-то – на повышение общего количества оптимизма²³. В рамках общей концепции сторонников этого взгляда такое понимание логично, так как, согласно их представлениям, Радищев хотел сделать возмущение и т.д. Однако человек, стремящийся поправить финансовые дела своей семьи, не может одновременно хотеть сделать возмущение, ибо в таком случае он обрёл бы ту же семью на неизвестность (особенно в случае удачи).

Что же и как исправил Радищев?

Он заменил встречу с самоубийцей из главы “Чёрная Грязь” словом о Ломоносове и сделал лёгкую концовку, причём пожертвовал таким немаловажным приёмом, как кольцевая композиция. Перед нами случай откровенно конъюнктурной правки. Слово о Ломоносове было уже написано раньше и вместе со всем остальным прошло цензуру; Радищев искал только, куда бы его вставить. В главе “Чёрная Грязь” Слово оказывалось на месте, как если бы автор говорил: вижу, что я уже наскучил вам своими законопроектами; что ж, я умею поддержать разговор не только о юриспруденции, – и темой такого разговора, имеющего целью разрядить атмосферу, избирается Ломоносов как фигура, приятная для публики. Слово о Ломоносове и эпизод с самоубийцей

²² Там же, с. 167.

²³ См., например: Западов В.А. *История создания “Путешествия”*. В кн.: Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*, с. 612.

абсолютно не сочетаются; Радищев предпочитает выкинуть второе (возможно, подумав при случае, что это уныло и малопонятно).

Кроме того, он убирает натурализм, оставив в тексте: “вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили”²⁴ вместо: “из которых многим веретенами выкололи глаза”²⁵. Дальше: в окончательной версии исчезает одно место, полное юмора, но, вероятно, показавшееся автору тяжеловесным:

...с которого конца начать в Москве мое пребывание: начать ли скакать по улицам сломя голову и, заезжая на каждой знакомой двор, оставлять изображенное на карте знамение моего имени; или объездить все соборы, церкви, часовни, где есть мощи и образа, поставить по свечке и отпеть по молебну; или явиться прежде всего в управу благочиния, дабы поскорее узнали в городе чрез газеты, что я прибыл в столичный город; в сем последнем я ошибся, ибо по имени означену быть в газетах надлежит принадлежать к первым пяти классам; а я, будучи не пятиклассной, был бы означен просто цифирью, а как изображение их есть арабское, то арабской язык будучи мало в Москве известен, никто бы под цифирью не узнал, что газетчик арабскою иероглифою меня разумеет²⁶.

Зато он компенсирует читателю этот юмор в другом месте, разворачивая метафору, завершающую главу “Тверь”:

– Вот и конец, – сказал мне новомодной стихотворец.

Я очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может быть, неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса, когда он с норовом²⁷.

С точки зрения приверженцев упомянутой выше концепции должно быть совершенно необъяснимо, почему Радищев вымарал в главе “Тосна” такой удачный пассаж:

...в самодержавном правлении государь подобен солнцу в естестве. Где оно греет, там есть и жизнь; где его нет, там всё умирает. Самодержавный государь один в государстве своем имеет право следовать рассудку, все другие обязаны следовать тому, как другой мыслит, а не так, как самому хочется. Скучно, и от того дорога, по которой я ехал, была дурна...²⁸.

²⁴ Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*, с. 39.

²⁵ Там же, с. 195.

²⁶ Там же, сс. 295-296.

²⁷ Там же, с. 102.

²⁸ Там же, с. 155.

Если же, как мы полагаем, Радищев заботился здесь о динамичности сюжета, то это свидетельствует лишь о его внимании к читателям и, пожалуй, ещё о том, что он не очень дорожил вольнодумными остротами.

Таким образом, почему бы не допустить, что, исправляя цензурный список, Радищев старался об одном: как бы повысить вероятность хорошего приёма у читателей, пусть даже слегка в ущерб художественности, чтобы только всё было в соответствии со вкусами публики, как он их себе представлял. То, что он, готовясь выпустить книгу, представлял себе некую достаточно легкомысленную публику, можно проиллюстрировать хотя бы его словами на следствии: “Шуточные (случай, – А.К.) поместил для того, чтобы не скучно было длинное, серьезное сочинение”²⁹.

К июню 1790 года общая картина домашних дел Радищева была такова: дом заложен в банке, проценты не выплачены, вещи в ломбарде³⁰. “На вопрос о движимом имуществе Радищев ответил, что оно состоит в “платье и белье, которого порознь показать не упомнит”³¹. Ну, что ж тут может помочь? На “Путешествие” возлагались большие надежды: оно должно было, кроме всего, стать бестселлером и разрешить финансовые проблемы семьи Радищевых и Рубановских. Неудача Радищева в этом всем известна. На сей раз он обманулся так, как не обманывался, вероятно, ни один автор и ни один издатель в мире ни до, ни после.

Проводя дни в крепости и сознавая, что оставляет семью без копейки, Александр Николаевич, со своим гипертрофированным чувством вины, как всегда, воображал себе, что он неморален, хотя на деле нравственность его была ни при чём; везде, где он в процессе следствия касается преступления своего перед родными (“О! семья несчастная, ...что должны вы о мне теперь мыслить, видя во мне преступника?”³²; “Неужели, Господи, лишишь несчастного последняя отрады слышать, прежде скончания бедственного жития, что те, пред кем я наиболее преступил, мне прощают?”³³), к и без того глубокой скорби его в очень большой степени примешивается мысль о долгах и наполняет слово “преступление” вполне конкретным содержанием.

“Путешествие” как коммерческая книга не состоялось. Но мы успели уже оговориться, что меркантильный интерес возник далеко не сразу, вероятно, не ранее 1785 года, и присоединился к

²⁹ *Дело Тайной экспедиции*, с. 167.

³⁰ Там же, сс. 191, 194.

³¹ Старцев А.И. *Радищев в годы “Путешествия”*. – М., 1960. Сс. 123-124.

³² *Дело Тайной экспедиции*, с.171.

³³ Там же, с. 195.

совершенно другим целям и побуждениям, руководившим Радищевым с самого начала. Что это были за цели?

Не нами замечено, что “Путешествие” поражает редкостную дерзостью выражений. Это понятно в том случае, если Радищев писал *для себя и просто так*, ибо как раз в этом случае человек не станет подыскивать умеренных выражений. Видимо, так и начиналось “Путешествие”, ведь Радищев большого опыта в сочинительстве не имел и лишь позже издал “Житие”, тоже, впрочем, вызвавшее противоречивые толки, – значит, он не мог знать, что у него получится, а следовательно – на что это сойдется. Однако надо заметить, что в процессе работы над книгой у него появилось здоровое ощущение собственной гениальности (из показаний от 17 июля 1790 года: “...ибо он тогда таким безумием был объят, что казалось ему, что сия книга наилучшаго есть сочинения”³⁴). Впрочем, всё это – чисто внешние моменты. А между тем, существовала ещё и внутренняя установка.

“Путешествие” должно было стать книгой, направленной против христианства, но когда книга против христианства пишется человеком мистически верующим, результат, естественно, расходится с замыслом. “Путешествие” в религиозном плане – это как бы художественный вариант трактата “О человеке, его смертности и бессмертии”.

Один из мелких аргументов в пользу этого утверждения тот, что эпиграф “Путешествия” совпадает с эпиграфом книги Николя Антуана Буланже “Recherches sur l’origine du despotisme oriental” (с тем, что Буланже взял свой эпиграф, конечно, не из Третьяковского и даже не из Фенелона, а прямо из Вергилия), а книга Буланже – это резкое обвинение христианству (там он при помощи экскурсов в историю показывает, сколько вреда принесло христианство, и делает из этого самые радикальные выводы). В интересующее нас время сочинение Буланже издавалось только один раз – в 1762 году, и у нас нет прямых указаний на то, что Радищев держал его в руках; но, как известно, Буланже был учеником К.А. Гельвеция, и издание 1762 года открывается панегириком Гельвецию, а это уже могло заинтересовать Радищева. Во всяком случае, эпиграф у “Путешествия” тот же, что и у одного неординарного образца антирелигиозной философской литературы³⁵.

Откуда является необходимость для Радищева выступать в той же роли, что и французские атеисты? Не от глубокого внутреннего

³⁴ Там же, с. 189.

³⁵ См. об этом: T. Page. *A Radiščev Monstrolology*// American Contributions to the VIII International Congress of Slavists, Zagreb & Ljubljana, September 3-9, 1978. – Columbus, Ohio, 1978.

убеждения в справедливости атеистической концепции, отнюдь. В эту двусмысленную ситуацию ставит его, прежде всего, его юридическое образование. Прочтя в Лейпциге сочинение Гельвеция “Об уме” (“De l’esprit”) и применив его мысленно к юриспруденции, он нашёл, что человечеству необходимо дать новые законы, основанные на принципах *утилитаризма* (понятие, введённое Гельвецием)³⁶. Христианский закон прекрасен, он замечателен во всех отношениях, словом, он годится для чего угодно, только не для практических целей: “О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они, крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую (...)” (“Спасская Полесь”)³⁷. Естественные порывы и импульсы человека часто, если не всегда, противоположны христианским принципам. Так говорил Гельвеций. И Радищев показывает это на материале студенческого бунта в Лейпциге в “Житии Ушакова”.

“Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую”, – сказано в Евангелии от Матфея (V, 39). Смысл всей сцены бунта у Радищева – показать, что это как раз противоестественно и неисполнимо, причём похоже, что, описывая детали этого события, он не придерживается действительности. В реальности сцена, происшедшая между майором Бокумом и Насакиным, выглядела так:

Мы пришли уговорить и просить Г-на Майора чтоб он не опечаливал нас и без того уже опечаленых. Причем Г-н Насакин начал его о том же просить, а как Майор запретил ему говорить, то он упомянул о данной ему пощечине; но Г-н Майор распалившись тужу минуту ударил его по щеке, а Насакин не могши того стерпеть сам его хотел ударить, чего ради мы все бросились их разнимать. (Коллективная жалоба русских студентов чрезвычайному посланнику при Саксонском дворе князю А.М.Белосельскому, под которой стоит и подпись Александра Радищева)³⁸.

То же – и в экстракте, составленном И.М. Шреком, профессором и ассессором судебной камеры Лейпцигского университета (извлечение из подлинных протоколов): “...что тогда г-н Насакин поднял руку, чтобы в свою очередь ударить г-на майора; но что все остальные удержали его и бросились для этого между ним

³⁶ T.Page. *Utilitarianism and its Rebuttal in the Thought of A.N.Radishchev*// Western Philosophical Systems in Russian Literature (A Collection of Critical Studies), No 3. – University of Southern California Press, Los Angeles, 1979.

³⁷ Радищев А.Н. Там же, с. 21.

³⁸ Старцев А.И. *Университетские годы Радищева*. – М., 1956. С. 143.

и г-ном майором (...) что после этого все они ушли”³⁹. Итак – импульс был, ответной пощёчины не было; но Радищеву нужно не просто показать, какова естественная реакция человека в этом случае, – нужно спародировать Библию. Таким образом возникает версия Радищева (обращаем внимание читателя на искусственность диалога):

Н. (Насакин). Вы меня обидели, и теперь пришел я требовать от вас удовольствия.

Б. (Бокум). За какую обиду и какое удовольствие?

Н. Вы мне дали пощечину.

Б. Не правда, извольте итти вон.

Н. А если не так, то вот она, и другая.

Сие говоря, ударил Н. (Насакин) Бокума и повторил удар⁴⁰.

Две пощёчины вместо одной – таков принцип Гельвеция. “Не имея в шествии своем ни малейшая преграды, человек в естественном положении при совершении оскорбления, влекомый чувствованием сохранности своей пробуждается на отражение оскорбления. От сего рождается мщение, или древний закон, *око за око*; закон, ощущаемый человеком всечасно, но загражденный и умеряемый законом гражданским”⁴¹. Пытаясь же усовершенствовать природу человека воспитанием, максимум можно добиться того, что сумел привить крестичский дворянин своим сыновьям: “Мщение!.. душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительных твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления”⁴².

Время, когда разыгрываются лейпцигские события, у Радищева приходится на зиму, тогда как на самом деле студенческий бунт случился в разгаре лета. Почему автору понадобилось, чтобы это было зимой? Как ни странно, снова затем, чтобы дать расцвести пышным цветом идеям Гельвеция, утверждавшего, что побудить человека к каким бы то ни было действиям (в данном случае – к бунту), то есть заставить его преодолеть природную лень, могут только самые что ни на есть примитивные природные факторы, коих Гельвеций насчитывает три. Два из них – голод и холод. Именно это и иллюстрирует Радищев. Итак, он доказывает, что христианские правила нежизненны, но не это его конечная цель. Он задаётся следующим вопросом: “Может ли положительной закон быть тверд,

³⁹ Там же, с. 158.

⁴⁰ Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.* Т.1. С. 171.

⁴¹ Там же, с. 170.

⁴² Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*, с. 50.

если основания не имеет в естественности? Скажем яснее: он и не существует⁴³. Это говорит юрист. Цель Радищева в конечном счёте – ввести нормальные, пригодные для практической жизни законы (перед которыми все были бы равны – см. главу “Хотилов” и начало Проекта Гражданского уложения).

В личности Радищева замечательна именно его разносторонность: это писатель, причём тонко чувствующий писатель, и одновременно юрист; свою проблематику, необычную для художественной вещи, он оживляет, наполняет конкретными деталями и как-то очеловечивает при помощи не чего иного, как материала из своей юридической практики; он наделяет своего Путешественника способностью давать юридические консультации.

Заметим, что Радищев надеется и сам стать одним из законодателей и имеет для этого серьёзные основания. В то время в России было настолько немного людей, имеющих хорошее юридическое образование (из всех русских, окончивших в 1771 году Лейпцигский университет, Радищев был единственным, кто не оставил службу и зарабатывал себе на хлеб именно юриспруденцией, следовательно, имел постоянную практику), что, кроме Радищева, можно, пожалуй, назвать только одно имя того же ранга – это профессор Московского университета С.Е. Десницкий, обучавшийся в Глазго.

Но для чего (...) не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее и одним поколением позже (...) в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция или законоучение. (“Подберезье”)⁴⁴.

Достаточно известен иронический отзыв о Радищеве секретаря саксонского посольства в Петербурге Г. Гельбига: “Он заслуживал занять более важные должности в государстве, но умный человек годен и для малых должностей”⁴⁵. Но никто не может оценить значение для государства человека, обладающего государственным умом, лучше, чем сам монарх: “в своём завещании Павлу ... Екатерина писала: “Бойся писателей и сошли в Сибирь первого из них, вздумавшего казаться государственным человеком”⁴⁶.

Примером удачи Радищева в деле пусть и менее значительном, чем составление Уложения для всей России, но всё же в сходной

⁴³ Радищев А.Н. Там же, с.

⁴⁴ Там же, с. 29.

⁴⁵ Старцев А.И. *Радищев в годы “Путешествия”*, с. 125.

⁴⁶ Семенников В.П. *Радищев. Очерки и исследования*. – М.-Пг, 1923. С. 39.

ситуации, может служить окончание дела пеньковых браковщиков (1780 г.), когда особое мнение Радищева, самого младшего чиновника ведомства, и занятая им жёсткая позиция неожиданно импонировали Воронцову и дали противоположный ход фактически уже решённому делу, несмотря на то, что из-за этого шла насмарку проделанная ранее работа всего департамента⁴⁷. Быть может, аналогия эта и не блестяща, но тем не менее: отчего Радищев не мог, издавая книгу, надеяться на то, что он будет хотя бы выслушан? В 1780 году, подавая особое мнение, он также рисковал – правда, всего лишь карьерой: в процессе скандала с Беклемишевым в Коммерц-коллегии поднимался вопрос об отставке.

Радищев как умный человек понимает, что нельзя частично принять точку зрения Гельвеция, а частично не принять; он сознаёт, что, перенимая принципы утилитаризма, нужно идти до конца и совсем проститься с мраком невежества, – нужно стать атеистом. Вот этого Радищев не смог сделать никогда, потому что действительно был человеком мистически верующим, хоть это и редкость в просвещённом XVIII веке. Но Россия – это всё же не Франция, где сильная антирелигиозная традиция существовала ещё с Возрождения. И тут наступает самое время сказать несколько слов о характере веры Радищева, так как все, без сомнения, понимают, что отождествить её с каноническим православием при всём желании не удастся. Анализ характера религиозности Радищева пытался сделать в своё время В.П. Семенников, однако ему, на наш взгляд, помешало слишком хорошее знакомство с *общими* тенденциями эпохи, в то время как случай Радищева достаточно уникален, чтобы подходить к нему, заранее составив себе готовое мнение. О том, что у Семенникова такое мнение было, свидетельствует то, что он находит в текстах Радищева то, чего там нет и никогда не было, – свидетельства его деизма. Семенников пишет: “У Радищева было сильно это интуитивное чувство Бога, подкреплявшееся и рассудочными доводами. Но ощущая Бога, Радищев колебался между последовательным деизмом и откровенной верой (...). Колебался он и в вопросе о провидении: Радищев то возносит молитвы Богу, непрестанно следящему за судьбой своих творений, то смотрит на него, как на мирового механика, в духе Руссо, единожды создавшего вселенную и уже более не вмешивающегося в пути своего создания”⁴⁸. В подтверждение последнего приводится цитата из главы “Бронницы” (“бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, Бог христиан, о Бог мой! ты един повсюду”⁴⁹), где

⁴⁷ *Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями*, сс. 41-42.

⁴⁸ Семенников В.П. Там же, с. 94.

⁴⁹ Радищев А.Н. Там же, с. 36.

вовсе не заметно никакой склонности Радищева к деизму. Но несмотря на такой подход, Семенников всё же делает множество интересных замечаний; например, он пишет о том, что вера Радищева могла иметь разные воплощения в зависимости от его душевного состояния, и выделяет несколько градаций – от так называемой “натуральной религии” до “наивной набожности” (эту же мысль можно встретить и у Я.Л. Барскова). Правда, мы предложили бы считать это не различными степенями веры, но различными формами её проявления. Кроме того, Семенников отмечает, что роль защитника откровенной веры у Радищева принадлежит голосу сердца, в отличие от рассудка; наконец, он делает совсем уже смелое по тем временам замечание: “С психологической стороны очень любопытно соединение этой религиозности с политическим радикализмом. Религиозное отрицание являлось обыкновенно ранее свободомыслия политического, и акт восстания против власти, подобный радищевскому, был бы гораздо понятнее в человеке, чуждом религиозных верований”⁵⁰. Здесь Семенников чрезвычайно близко подходит к идее о том, что никакого акта восстания против власти и не было, если подразумевать под таковою власть земных царей.

Ещё одно наблюдение Семенникова: “...Несмотря на то, что Радищев склонялся к откровенной вере, формальная, внешняя сторона церкви и христианства всегда отталкивала его и вызывала его резкие нападки”⁵¹. На наш взгляд, следует быть гораздо осторожнее в таких утверждениях. В июне – августе 1790 года следствие, в лице С.И. Шешковского (следующего указаниям свыше), изображало попытки вернуть Радищева, почитавшегося заблудшим, в лоно восточной православной Церкви (это направление их деятельности усиленно подчёркивается в документах Тайной экспедиции), так что подследственный выступал одновременно и в роли государственного преступника, и в роли грешника, задачу обращения которого взяли на себя его духовные наставники, то есть суд. Это странное смешение ролей проявляется, например, в том, что первыми же допросными пунктами, предложенными Радищеву, были:

- 1) Где вы жили в приходе и у которой церкви?
- 2) Кто у вас и семьи вашей отец духовной?
- 3) Когда вы и семья ваша были у исповеди и святого причастия?⁵²

⁵⁰ Семенников В.П. Там же, сс. 97-98.

⁵¹ Там же, с. 95.

⁵² *Дело Тайной экспедиции*, с. 166.

Возвращаясь к высказанному нами сомнению: предлагаем читателю обратить внимание на следующее стечение обстоятельств. На последний вопрос Радищев отвечал: “Я не был у исповеди и причастия, кажется, лет пять или шесть”⁵³. Между тем в книгах, поданных от церкви Входа в Иерусалим, что у Лигова канала (семья Радищева принадлежала к приходу Знамения), существует запись за 1789 год, найденная М.И. Сухомлиновым: “Портовой таможенный полковник Александр Радищев, 41 года, дети его: Василий 12, Николай 10 лет. У исповеди и св. причастия все были”. Как связать между собой эти факты? Видимо, Радищев считал нужным исполнять обряды, предписываемые Церковью, но не считал нужным отчитываться в этом перед светской властью, – возможно, полагая эту сторону своей жизни достаточно интимной.

Наиболее вероятной причиной того, что Радищев сумел сохранить по временам совершенно детскую веру, была семейная традиция⁵⁴. Насколько можно судить по сохранившимся письмам его к родителям, чрезвычайно велико было влияние на него отца, Николая Афанасьевича, даже и в поздние годы; а отец его, равно как и мать, был человеком крайне набожным. Приведём свидетельство П.А. Радищева:

Зимою, в начале 1798 года, Радищев отправился со всем своим семейством – четыре сына и три дочери – в Саратовскую губернию. Он застал отца своего, Николая Афанасьевича, слепого и отпустившего бороду, в простом кафтане, подпоясанном ремнём. Он жил в лесу, на пчельнике, в пяти верстах от своего села Преображенского, которое он отдал своим детям, а сам проводил время в молитве, по большей части в обществе какого-нибудь монаха, а чаще с отцом Палладием из Саровской пустыни, отпущенником его зятя, г-на Аблязова. Николай Афанасьевич приезжал всегда к обедне в село Преображенское, пел на клиросе и, несмотря на свою слепоту, по памяти читал “Апостол”, имея подле себя дьячка. Впоследствии Николай Афанасьевич отправился совсем на житье в Саровскую пустынь, наиболее из всех монастырей им облагодетельствованную, но не мог ужиться с монахами, ибо стал вступаться в дела управления монастыря, и потому возвратился на свой пчельник, где и жил до своей кончины⁵⁵.

Конкретную информацию добавляет к этому П.Г. Любомиров: “В потоке несчастий Николай Афанасьевич искал утешения

⁵³ Там же, с. 167.

⁵⁴ На это обращали внимание также: Семенников В.П. Там же, с. 97. Барсков Я.Л. *А.Н.Радищев. Жизнь и личность*. В кн.: Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву*. – М.-Л., 1935. Т.2. Сс. 22-23.

⁵⁵ *Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями*, сс. 92-93.

в религии, притом в формах самых старорусских. Для умилоствления карающего Бога он, по примеру отца, строит в 1800 году храм, но не каменный собор – это ему теперь не по средствам – а скромную деревянную церковку на кладбище В. Аблязова (Справочная книга Саратовской епархии, с. 279, № 505. Саратов, 1912. В основе лежат сообщения с мест из “клировых ведомостей”)⁵⁶. Всё это свидетельства, относящиеся к позднему времени, в них речь идёт о конце 1790-х – 1800 гг., в то время как нас в первую очередь интересует влияние его на сына в раннем возрасте, в тот период, когда Александр Николаевич воспитывался дома, до отправки его в Москву, к Аргамаковым, то есть до семи лет – так как именно в этом возрасте закладываются разнообразные основы сознания, однако достоверными сведениями об этом периоде мы, к сожалению, не располагаем. В то же время можно предположить, что образ жизни Николая Афанасьевича в последние годы не был целиком и полностью продиктован внезапным приливом религиозности, но до некоторой степени отражал постоянные его воззрения на религию.

Разумеется, семейное влияние не было здесь единственным фактором; значение имеет и собственный характер Радищева, и то, как складывалась его жизнь, потому что серьёзные несчастья имеют обыкновение вызывать приступы религиозности даже у людей, за которыми прежде её не замечалось.

Итак, перед нами прежний вопрос: каким образом можно описать характер веры Радищева, чтобы не смешивать её с верой людей, твёрдо придерживающихся догматов православной Церкви? (На последнее Радищев, несмотря на всё вышесказанное, не претендует). Наиболее осторожная формулировка, которую мы могли бы себе позволить, такова: Радищев христианин, он верует в единого Бога, он хотел бы веровать в бессмертие души, но разум его требует более веских тому доказательств, нежели те, которыми он располагает; что же до внешней обрядности, то в течение всей жизни он исполнял православные церковные обряды, вплоть до исповеди перед смертью. Вместе с тем, говоря, что Радищев был человеком искренне верующим, мы ни в коем случае не смешиваем этого понятия с понятием “практикующий православный”; мы везде имеем в виду только определённый аспект его духовной жизни, его сознания, в котором Бог, несомненно, присутствовал. Ещё раз подчеркнём: вера Радищева не имеет ничего общего с деизмом. В его взглядах можно усмотреть черты экуменизма и т.д., однако для нас это уже вопрос не о его отношении к Богу, но о его отношении к тем

⁵⁶ Любомиров П.Г. Там же, с. 351.

сложным, нередко софистическим построениям, которыми люди успели как-то обставить идею Бога.

Всё творчество Радищева и вся его духовная жизнь определяются колебаниями между концепцией столь поразившего его в своё время Гельвеция и органично присущей ему верой. Неустранимое противоречие между “наивной набожностью” и самым циничным атеизмом порождает диалогичность радищевских текстов. Ткань любого его произведения представляет собой диалог или, по меньшей мере, обращение к незримому собеседнику. От начала до конца диалогично “Путешествие”. Стихотворение “Почто, мой друг, почто...” являет собой, насколько мы можем догадываться, разговор человека с собственной душой. “Молитва”, стихотворение в восемь строк, являющееся само по себе обращением к Богу, кроме того, содержит в свёрнутом виде две полемики – с атеистами и с христианскими догматиками.

В “Путешествии” Радищев старается как можно доходчивее изложить идеи Гельвеция, и покуда эти идеи не противоречат его собственным взглядам, ему это удаётся. Но как только речь доходит до атеизма, следует срыв. Если сам Гельвеций более чем легко относится к тому, что пишет, если для него построение философской системы является только игрой, то Радищев, напротив, принимает всё это чересчур близко к сердцу. Гельвеций играл всевозможными понятиями и концепциями, оставаясь на самом деле равнодушным к чему бы то ни было (чем не сильно отличался от других французских философов-просветителей), и он был бы немало удивлён, узнав, какие неожиданные всходы дали брошенные им семена на русской почве. В лице Радищева он приобрёл одновременно поклонника своей философии утилитаризма и противника своих атеистических взглядов. Но Радищев не может оставаться столь же поверхностным, ему не хватает легкомыслия; вместо этого он на самом деле пытается решить для себя все встающие перед ним вопросы, причём решить на самом глубоком уровне, и некая часть его существа вновь и вновь берётся возражать логическим построениям атеизма, не имея столь же красивых и разумных доводов в защиту своей правоты, но с такой отчаянной силой экспрессии, что заставляет на время смолкнуть второй голос. Любое обвинение Богу становится обвинением самому себе: если все несправедливости санкционирует и оправдывает Церковь, то, называя себя христианином, человек сразу же оказывается по ту сторону барьера.

Радищев высмеивает библейские тексты и образы, выворачивает их наизнанку (хождение по воде Финского залива – “Чудово”, терновое кольцо – “Спасская Полесь” и т.д.), и в этом он

достойный ученик Гельвеция. Но это даётся ему с трудом. Любое кощунство сразу же обращается против него самого, и его охватывает раскаяние.

Радищевские попытки пародирования церковных книг затрагивают самые разные аспекты – от языка до композиции. Так, “Житие Федора Васильевича Ушакова” пародирует “Житие Феодосия Печерского” не только по названию: как в конце последнего автор помещает несколько сочинений, приписываемых самому Феодосию, в том числе – “О терпении и о любви”, так и Радищев ближе к концу “Жития” вставляет приписанное им Ушакову двусмысленное сочинение “О любви”, рекомендующее заниматься любовью для удовольствия и отдающее Гельвецием за милую. Ибо что, собственно, не устраивало Гельвеция в христианстве? Идея жертвенности как нечто противоестественное и кроме того – понимание добра и зла; сам Гельвеций называет добром то, что доставляет человеку удовольствие, злом – страдание, разумеется, только физическое.

Вышеупомянутая смена двух голосов бывает заметна в смене не только комплекса мыслей, но и – в буквальном смысле – языка: голос, защищающий веру, пользуется церковнославянским, а “адвокат материализма” – русским языком.

Вот отрывок из трактата Радищева “О человеке, его смертности и бессмертии”, содержащий изложение идей Гельвеция:

Все действует на человека. Пища его и питье, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий к дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих его частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем. Влияние звезд, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо⁵⁷.

Язык этого отрывка – современный Радищеву русский литературный язык с достаточно простым синтаксисом. В качестве образца церковнославянского языка с усложнённым синтаксисом рекомендуем посмотреть фрагмент из книги третьей того же трактата, содержащий изложение телеологического доказательства бессмертия души. Мы не станем приводить его здесь по причине объёма и воспользуемся другим примером: “О смертный, познавай Бога! утешись, если страждешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. (...) О, смертный! Отверзи очи твои, и узришь Всеотца во свете”⁵⁸.

Приведённые цитаты иллюстрируют зависимость избираемого Радищевым языка от тематики. Примечательно, что чем хуже

⁵⁷ Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.* Т.2. Сс. 62-63.

⁵⁸ Там же, с. 58.

душевное состояние Радищева, тем более устаревшие нормы языка являет первый голос: в письме к Шешковскому от 25 июля 1790 г. появляется даже аорист (*согреших, исполнися*) и краткие формы местоимений, практически не встречающиеся в относительно спокойном “Путешествии” (наряду с вокативом и членными причастными формами на *-ай / -яй*):

Царю безначальный и Господи! с высоты горних мест приинкни, Отец всещедрый, и воньми моленю грешника кающагося! О ты, объемляй вселенную единым взором! Мысль беспредельная в коей прежде века начертано было твое непостижимое уму человеческому творение, о Всемогущий! приими нетленную жертву души моя и сердца, приими покаяние грешника и не отврати от меня лица твоего! Чувствую, чувствую во всем сложении моем, яко пред тобою согреших тьмы крат и бесконечно. Но, Господи, не ты ли Отец мой милосердый? К тебе воззову с Давидом: Услыши мя во дни печали, ибо ты еси Бог кающихся; Господи, согреших и несмы достоин помилования. Но, сердцеводец, всезрящий! душа моя пред тобою есть. Исполнися слабостей сложение мое. Разум исполнися суемудрия. Простер еси руку твою в мое наказание. Да будет о мне воля твоя! В смирении моем лобжу прещение твое. Господи! согреших и днесь необычайно. Согреших, возмечтав мудрствовати (...). Но, Отче всеблагий, виждь неухищрение души моей и незлобие моего сердца, и помилуй мя грешнаго!⁵⁹

Безусловно, активизация вышеприведённых церковно-славянских форм и оборотов могла произойти у Радищева под влиянием душеспасительного чтения, которым заваливал его в крепости Шешковский, но так или иначе, это в данном случае всего лишь фон, помогающий сильнее проявиться и ранее свойственной Радищеву особенности.

В конечном счёте, эти голоса имеют совершенно определённые названия: сердце и разум. Вполне естественно, что сердце не обладает научностью и логикой разума, и его основное оружие – экспрессия. Сам Радищев также склонен относить свои материалистические заблуждения на счёт разума и оправдывать сердце:

Теперь проходя то, что я писал, понимаю мое прегрешение, но естли разум заблуждал, сердце не было тому причастно”⁶⁰. “О естли можно милосердствовати несчастному, не отвергни, всещедрая Государыня, покаяние грешника и тем паче терзающагося о своем

⁵⁹ *Дело Тайной экспедиции*, с. 193.

⁶⁰ Там же, с. 167.

преступлении, что сердце его ничем ему не упрекает. (...) О! милосердие, воззри милостиво на мое незлобие, и отпусти заблуждение рассудка⁶¹.

Нередко в текстах Радищева можно заметить смычку – то место, где заканчивается изложение Гельвеция и начинается его опровержение; таков в трактате “О человеке, его смертности и бессмертии” переход от нескольких страниц “доводов чистого афеизма”, взятых в кавычки, к словам: “О, ты, доселе гласом моим вещавший...”⁶². Само название трактата также содержит в себе смычку: начало его – “О человеке...” – совпадает с началом названия книги Гельвеция “О человеке, его умственных способностях и воспитании” (“De l’Homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation”), но затем Радищев демонстративно отходит от Гельвеция и вводит в название слово “бессмертие”, над которым тот издевался и которое было столь важно для Радищева.

Для французских философов-просветителей вера в загробную жизнь была неистощимым источником веселья. Наиболее резко о ней отзывался Гольбах в “Système de la nature”: “Бессмысленный догмат будущей жизни мешает (энтузиастам, увлеченным этой верой) заниматься устройством счастья, заботиться об усовершенствовании их учреждений, их законов, их нравственности и их наук: пустые химеры поглотили все их внимание; они проявляют готовность стонать под игом религиозной и политической тирании, коснеть в заблуждении, изнемогать в несчастье, в надежде стать когда-нибудь счастливыми, в твердой уверенности, что их бедствия и их дурацкое терпение приведут их к бесконечному блаженству”.

Вера в будущую жизнь не была для Радищева догматом. Это всегда был лишь вопрос, ответ на который он стремился найти, в то же время сознавая, что человеческому рассудку не дано постичь замысел предвечного божества.

В.П. Семенников, проводя сопоставление Радищева с масонами, пишет: “В вопросе о бессмертии души, рассматриваемом в трактате “О человеке”, Радищев объективно излагает доводы и за, и против бессмертия. Рассудочных доводов для решения этого вопроса у него не хватает, и Радищев следует голосу своего чувства, которое подсказывает ему “мнение, утешение вливающее в душу скорбящую”. Он *чувством* своим принимает то решение, которое составляло один из столпов традиционного масонского мирозерцания. Но для Радищева характерно, что он прежде чем остановиться на этом пути, проделывает большую

⁶¹ Там же, с. 170.

⁶² Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.* Т.2. С. 96.

работу мысли над попытками научно обосновать этот вопрос. В этом существенное отличие Радищева от рядовых масонов, которым идея бессмертия давалась без особых стремлений мысли”⁶³.

Так же расценивает отношение Радищева к проблеме бессмертия и И. Лапшин в своей статье “Философские воззрения Радищева”: “Ни одна из метафизических попыток обосновать учение о бессмертии: ни метемпсихоз, ни преформация, ни метаморфоза не удовлетворяют Радищева, он ограничивается субъективной верой в бессмертие: “*Верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта!*” (...) Его метафизические предпосылки не могут дать ему научно обоснованной уверенности в бессмертии – и он ограничивается постулатом веры, отвергая многочисленные аргументы в пользу бессмертия, которые казались его современникам весьма вескими”⁶⁴.

“О личном отношении Радищева к занимавшей его проблеме с *субъективной* стороны, – заканчивает Лапшин, – трудно сказать что-нибудь определённое. Было бы ошибкою думать, что вера в бессмертие не имеет степеней, наоборот, и сила ея, и качество могут быть различны. При этом не всегда интенсивность внутреннего убеждения соответствует силе внешнего выражения. Самая *эмпатичность*, с которой человек иногда защищает (с полной искренностью) идею бессмертия перед самим собою и перед другими, может свидетельствовать как раз о *недостаточной* силе уверенности. Насколько сильна была субъективная вера Радищева в бессмертие?..”⁶⁵

Вопрос риторический: ведь сам автор статьи чуть выше характерным образом оговорился, сказав: “защищает... идею бессмертия перед самим собою”, – следовательно, степень веры Радищева, по оценкам Лапшина, невысока. Добавим к этому только, что субъективная вера Радищева в бессмертие, пусть и слабая, оказалась всё же достаточной для того, чтобы заставить его всю жизнь задаваться этим вопросом и чтобы в конце концов сказаться в обстоятельствах его смерти.

Как известно, Радищев покончил самоубийством; он отравился серной кислотой⁶⁶ (достаточно разбираясь в химии и медицине, чтобы предусматривать результат такого шага) и умирал в течение 14 или 15 часов. Атеисты, не признающие вечной жизни,

⁶³ Семенников В.П. Там же, с. 95.

⁶⁴ Лапшин И.И. *Философские воззрения Радищева*. В кн.: Полн. собр. соч. А.Н.Радищева. Т.2. – СПб, 1909. С. XXXI.

⁶⁵ Там же, сс. XXXI – XXXII.

⁶⁶ Точнее, смесью серной и азотной кислот (царская водка). “Купоросное масло”, которое упоминает в связи с этим А.И.Герцен – это в терминах современной химии соль серной кислоты, но оно не имеет отношения к делу.

приветствовали самоубийство, называя его концом страданий. Но подходит ли это определение к ситуации?

У Радищева в текстах нередко возникает мотив индивидуального договора с Богом: “Отче всеблагий, ужели отворишь взоры свои от скончевающего бедственное житие свое мужественно. Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна” (“София”)⁶⁷. (Обратим внимание на причудливую смесь понятий: польза, полезность, утилитаризм, идущие от Гельвеция, – и в то же время обращение человека, намеренного совершить самоубийство, к Богу, и не к Богу деиста, а к Творцу, участвующему в судьбе своего творения). Ещё одна попытка затронуть ту же тему – последние четыре строки стихотворения “Молитва”, заключающие в себе всё тот же полувопрос, полупросьбу (“Внемли последний глас: я если прегрешил, / Закон я твой искал, в душе тебя любил; / Не колебаясь на вечность я взираю; / Но ты меня родил, и я не понимаю, / Что Бог, кем в дни мои блаженства луч сиял, / Когда прервется жизнь, на век меня терзал...”). Вопрос о самоубийстве занимает Радищева на протяжении многих лет. Он многократно пытается осмыслить статус самоубийцы в глазах Бога и снова и снова вопрошает: неужели самоубийство действительно влечёт за собой вечную кару и если так, то почему? Он не в силах поверить в эту догму, не понимая смысла её, и обращается со своим недоумением не к Церкви, а прямо к Богу, полагая, очевидно, что там вернее можно добиться толку.

Мы далеки от мысли о том, что у Радищева была какая-то суицидальная мания, хотя тема самоубийства действительно многократно всплывает в его сочинениях (“Дневник одной недели”, “Житие Ушакова”, “Путешествие”); но доказать наличие такой obsessions так же трудно, как опровергнуть тезис о том, что это было общим местом в литературе эпохи (Руссо, “Вертер” и др.). Против этой концепции говорит и отсутствие унифицированного способа самоубийства в фантазиях Радищева (иногда средством бывает яд, иногда огнестрельное оружие, иногда средство не конкретизируется).

Самоубийство Радищева 11 сентября 1802 года объясняется многими причинами; оно произошло на фоне конфликта с председателем Комиссии составления законов графом В.П. Завадовским и с М.М. Сперанским, на фоне множества домашних несчастий, полного расстройств дел и плохого состояния здоровья.

⁶⁷ Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*, с. 9.

После известной угрозы Радищеву со стороны Завадовского (который, как известно, сказал ему нечто вроде: “Уж не хотите ли вы снова очутиться в Сибири?”) Радищев, по свидетельству его сына Павла, “вдруг сделался задумчив, стал беспрестанно тревожиться. Он был всем недоволен. Напрасно старались успокоить его, он твердил беспрестанно, что до него добираются. Однажды в припадке ипохондрии он сказал собравшимся своим детям: “Ну что, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?” Его беспокойство и волнение ежедневно усиливались. Он призывал полкового лекаря, принимал лекарства, но облегчения не получил. Душевная болезнь развивалась всё более и более”⁶⁸.

Если расценивать факт самоубийства Радищева как дань Гельвецию, то исповедь его перед смертью и слова “Господи, прими мою душу” (свидетельство П.А. Радищева) делают победу Гельвеция неполной.

По сути дела, Радищев реально, на самом себе, показывает, к чему может привести конфронтация теизма и атеизма, что неразрешимый этот вопрос при абсолютно честном к нему подходе разрушает слабое человеческое существо, смеющее им задаваться; этот опыт тем более ценен, что повторить такой эксперимент вряд ли удастся.

Любопытно с этой точки зрения сравнить подход Радищева к проблемам веры с масонским. Вообще отношение масонов к Радищеву было совершенно определённым: они однозначно воспринимали его как человека, страдающего от недостатка веры, не желающего проститься с пороком гордыни и погрязшего в мирской суете. Это прекрасно видно из их переписки, относящейся ко времени ареста и процесса Радищева, где обсуждается вероятность преследования в связи с этим их братства. Из письма князя Н.Н. Трубецкого А.М. Кутузову (из Москвы в Берлин) от 1 августа 1790 года:

Теперь скажу тебе, что посвятивший некогда тебе книгу и учившийся с тобою в Лейпциге находится под судом за дерзновенное сочинение, которое, сказывают, такого рода, что стоит публичного и самого строгого наказания. Вот, мой друг, ветренная его и гордая голова куды завела и вот следствие обыкновенное быстрого разума, не основанного на христианских правилах. Я, зная твое прекрасное сердце, знаю, что тебя тронет сие известие. Но по всему, мною слышанному, он точно достоин участи, ему угрожающей, почему и огорчаться о нем ты не должен, но вздохнуть только ко Управляющему всем, да соделает Он

⁶⁸ Русский вестник, 1858, декабрь, кн.2, с. 422.

наказание, ему угрожающее, средством ко обращению его на познание его мерзостей и на покаяние об оных⁶⁹.

К тому же мнению примыкает и И.В. Лопухин (в письме к Кутузову от 28 ноября 1790 года из Москвы же):

Вместе с тобою желаю я, чтоб нещастие Радищева послужило к его обращению и, конечно, была бы причина радоваться, как ты говоришь, сему нещастию его, ежели бы, сделавшись средством перемены его мыслей и чувств, послужило ему в познание истины в здешней жизни и к блаженству в вечности. Правда, думаю я, что ежели он войдет в себя, то увидит, что источник заблуждения его и терпимаго им теперь бедствия есть точно в невежестве о истине христианской и в непривязанности к ней. Его почитали мартинистом и все нащет сего полагали в здешнем городе. Но совсем напротив, он именно оттого и сделал оное дело, что не есть то, что здесь разумеется мартинистом. Все это доказывает просвещение здешней публики. (...) А здесь охотники до вреда ближним вообще участниками Радищева почитали всех нас, так называемых какими-то мартинистами⁷⁰.

Точка зрения самого Кутузова в приведённых письмах вырисовывается довольно отчётливо, хотя он и не автор их, а всего лишь адресат. Двумя годами позже он сформулировал свой взгляд на происшедшее в письме к Радищеву (27 марта – 7 апреля 1792 года, из Берлина – в Илимск):

Горько мне, друг мой, сказать тебе, но дружба моя исторгает сию истину: твое положение имеет свои выгоды. Отделен, так сказать, от всех человек, отчужден от всех ослепляющих нас предметов, тем удачнее имеешь ты странствовать в собственной твоей области, в самом тебе; с хладнокровием можешь ты взирать на самого тебя и, следовательно, с меньшим пристрастием будешь судить о вещах, на которые ты прежде глядел сквозь покрывало честолюбия и мирских сует. Может быть, многое представится тебе в совершенно новом виде, и кто знает, не переменишь-ли ты образа твоего мыслить и не откроешь-ли многих истин, о которых ты прежде сего не имел ни малейшаго подозрения⁷¹.

Пытаясь установить степень близости Радищева к масонству, В.П. Семенников сперва рассматривает “Беседу о том, что есть сын Отечества”, где находит “прямые отголоски влияния масонского

⁶⁹ Барсков Я.Л. *Переписка московских масонов XVIII столетия*. – Пг, 1915. Письмо 11, с. 8.

⁷⁰ Там же, письмо 46, с. 46.

⁷¹ Там же, письмо 184, с. 195.

устава”⁷². (Имеется в виду “Устав Вольных Каменщиков, утвержденный на всеобщем Совете Конвента, бывшем в Вильгельмсбаде” в 1782 году, и узаконенный для России в 1787 году). Обнаруживаются действительно убедительные текстуальные совпадения, но, к сожалению, как пишет В.А.Западов, “в последнее время возникли весьма серьезные сомнения в авторстве Радищева относительно “Беседы о том, что есть сын отечества”, введенной в состав его сочинений без сколько-нибудь серьезной атрибуции”⁷³. Что же до “Путешествия” (к которому переходит далее Семенников), то тут нет, правда, сомнений в авторстве Радищева, зато теперь весьма сомнительны корреляции. Только в посвящении А.М.К. Радищев пользуется масонской лексикой, но такого рода, что ему вовсе не обязательно было знакомиться для этого с масонским уставом и с чем бы то ни было; он мог просто воспользоваться парой выражений, слышанных им от Кутузова в устной форме, так как речь идет о словах типа “истина”, “соучастник”, то есть словах общеупотребительных, которые могут наполняться или не наполняться масонским содержанием, в зависимости от того, в какой контекст попадают. В данном случае Семенников констатирует совпадение именно *образа*: смертного, “блудящего” во мраке и ищущего в нём “истины”. Дальнейшие наблюдения Семенникова распространяются на словообразование, а именно – префикс *со-*. Но использование этого префикса было делом настолько обычным, что установить здесь бесспорное влияние на Радищева со стороны масонов представляется нам затруднительным. Забавно, что Семенников в конце концов впадает в определенное противоречие. Он пишет: “К сказанному нужно добавить, что соответствие “Беседы” Радищева с масонским уставом простирается даже и на те его предписания, с которыми Радищев, казалось бы, искренно согласиться не мог”⁷⁴. Далее Семенников замечает: “Радищеву не чужда была идея масонов о Боге, нисходящем в существо человека (глава “Бронницы”)). Однако, на наш взгляд, это всё же идея такого рода, что вполне можно случайно попасть на неё и не будучи масоном.

В те годы, когда Радищев писал “Путешествие” (вероятнее всего, с 1783 по 1790 год) в Европе – и тем более в России – масонство стало глубоко христианским движением, притом специально направленным против идей и систем философов Просвещения (исключая Руссо, которого русские масоны почему-то полюбили) и в особенности против Гельвеция. В России такой

⁷² Семенников В.П. *Радищев. Очерки и исследования*. С. 86.

⁷³ Западов В.А. *Примечания*. В кн.: Радищев А.Н. *Сочинения*. – М., 1988. С. 613.

⁷⁴ Семенников В.П. Там же, с. 89.

полный переворот во взглядах можно проследить на примере духовной эволюции Н.И.Новикова (только не в изложении Г.П.Макогоненко); отчасти это заметно и в самом характере произведений, которые он издавал до и после 1780-х гг. Таким образом, обращаясь в “Житии Ушакова” и в “Путешествии” к своему другу юности А.М.Кутузову, ставшему знаменитым масоном, Радищев мог придать “системе” христианства более злободневный характер и тем самым помочь себе же издеваться над ней с целью заменить её системой Гельвеция.

Враждебное отношение Радищева к масонству (которое он воспринимал как разновидность “зла”, идущего от христианства) проливает некоторый дополнительный свет и на литературную форму “Жития” и “Путешествия”. Громадное по тому времени количество переизданий житийных произведений могло дать Радищеву идею проследить эту форму и спародировать её, наполнив своё “Житие” гелльвецианским содержанием. Не менее интересно обстоит дело с “Путешествием”. На первый взгляд, выбор жанра продиктован влиянием всё того же Стерна и Рейналя. Однако не следует забывать и о том, что излюбленным жанром масонской литературы было *путешествие души*. Масоны высоко ценили “Телемака” Фенелона, повествующего о странствиях христианского рыцаря. Само собой разумеется, что в масонском странствии души путешественник восходит по ступеням, ведущим к истине и полному моральному самоочищению. Словом, форма этих произведений ориентирована на *эволюцию* путешественника, моральную и духовную. Если предположить, что Радищев каким-то образом соотносил жанр своей книги с масонскими путешествиями души, то в таком случае не лишено значения то, что в его собственном “Путешествии” какая бы то ни было эволюция *демонстративно отсутствует*. Причём в конце первого, представленного в цензуру, варианта “Путешествия” Радищев говорит о самоубийстве, между тем как в финале масонских путешествий автор обыкновенно возносил хвалу Господу; в печатном же варианте у Радищева (“Слово о Ломоносове”) человек местами отождествлён с Богом, что равно богохульно. Композиция книги как нельзя более далека от идеи эволюции; в каждой почти сценке Радищев повторяет на разные лады диалог с одним и тем же содержанием, а именно: что одну систему морали и законодательства необходимо заменить другой, прямо противоположной.

Из всего уже сказанного нами следует, что взгляды масонов должны быть близки взглядам Радищева в той их части, куда закрыт доступ Гельвецию.

В свою очередь, все вопросы разума у масонов каким-то образом отсекались (поскольку трудно предположить, что они вообще не возникали). Масоны потому и могли создать своё позитивное мистическое учение, что успешно абстрагировались от ряда вопросов. Радищев же не в состоянии создать никакой философской системы именно потому, что в силу своего честного подхода к проблеме бытия Божия, бессмертия души и т.д. он фиксирует *сомнение*, распространяющееся на все уровни знания. Все философы, когда-либо отчётливо формулировавшие своё *credo*, вынуждены были в какой-то момент остановиться и закрыть глаза на вторую половину аргументов. Углубляясь в причины того олимпийского спокойствия, с которым московские розенкрейцеры могли осуждать Радищева, мы действительно быстро находим в масонской, так сказать, прагматике понятие “воздержания”. “Тройственное должно быть воздержание: воздержание духа, воздержание разума и воздержание чувств”, – пишет И.В. Лопухин в “Некоторых чертах о внутренней церкви”⁷⁵. В отношении Радищева нас больше всего должен заинтересовать второй вид воздержания. Обратимся к параграфу 14 главы VIII “О главных средствах на пути к божественной жизни”, где Лопухин раскрывает смысл этого понятия:

Разум должно воздерживать не только от упражнения в том, что явно вредно; но и от всяких размышлений бесполезных, и от изучения того, что токмо служит к удовлетворению любопытства а не нужно для преуспевания в жизни Христианской и для отправления должностей человека живущаго в обществе, гражданина, или подданнаго. (...)

Ещё весьма надобно воздерживать разум от стремления проникнуть собою в существо таинств, принадлежащих области того царствия, в которое плоть и кровь не могут проникать, и которая открываются единым Духом Царя и Господа Иисуса, открывающаго тайны своего царства любящим Его (...)⁷⁶.

Ясно видно, что всё это в общем и в частности может быть отнесено к Радищеву. Кстати, раз уж мы обратились к “Чертам внутренней церкви”, можно отметить заодно и особенности масонского понимания сущности молитвы, так как расхождение их в этом с Радищевым будет весьма заметно.

⁷⁵ *Масонские труды И.В.Лопухина.* – М., 1913. С. 45.

⁷⁶ Там же, с. 46-47.

§ 8. Молитва должна быть основана на преданности. Смирненное предание себя в волю Божию есть лучший образ молитвы⁷⁷.

Радищев не входит в число людей, соблюдающих эту заповедь; только молитвы его в августе 1790 года приближаются к этому идеалу; вообще же он не раз позволяет себе молитвы о том, *что не угодно воле Божией*, как сказал бы, вероятно, Лопухин.

Другой аспект этой проблемы – мистическая сторона масонства. Понятно, что Радищев как приверженец “обыкновенной человеческой науки”⁷⁸ (то есть современной ему светской науки) не мог думать и не думал ничего хорошего об алхимии и теософии. (Масоны высших степеней, со своей стороны, не жаловали светскую науку)⁷⁹. Об этом пишет и Семенников, предварительно разграничивая понятия “мартинисты”, “иллюминаты”, “розенкрейцеры” и “чистое масонство”. В его изложении картина выглядит так: “...если религиозно-нравственное мирозерцание Радищева в общем совпадало с мирозерцанием масонским, то та средневековая мистика, в которую погрузились собственно московские масоны-розенкрейцеры, была, понятно, совершенно чужда ясному смыслу Радищева”; “выпады Радищева направлены не против масонства вообще, в его чистой форме, а против того его течения, которое предавалось тайным алхимическим и подобным им наукам, в чем были повинны и московские “мартинисты”⁸⁰. Поскольку Семенников так и не разъясняет, где можно увидеть “масонство в его чистой форме” и не называет ни одного его представителя, остаётся предположить, что “чистое масонство” – это, по-видимому, нечто вроде матрицы, которая сама по себе хороша, но отпечатки с неё неизменно неудачны, и каждое конкретное его воплощение, будь то розенкрейцеры или иллюминаты, обладает своим набором недостатков. Но, кроме шуток, – в книге Семенникова действительно остаётся непонятным, где именно – в лице каких людей и в образе каких сочинений Радищев мог познакомиться с идеями “чистого масонства”? От московских розенкрейцеров его сразу отшвырнуло, но и с петербургскими масонами он вряд ли захотел сблизиться (мы не берём здесь грехи молодости – посещение ложи “Урания”, впрочем, из одного любопытства), судя по тому, что там в 1779-80 годах “в доме И.П. Елагина, главного мастера и законодателя лож его имени, жил знаменитый граф Калиостро – маг и волшебник”; и что

⁷⁷ Там же, с. 44.

⁷⁸ Лонгинов М.Н. *Новиков и московские мартинисты*. – М., 1867. С. 55.

⁷⁹ Там же, с. 56.

⁸⁰ Семенников В.П. Там же, с. 104.

гораздо после того “петербургские масоны, увлечённые удачными фокусами Калиостро, убежавшего из Петербурга от своих кредиторов, продолжали заниматься “чёрной магией и алхимией”⁸¹. Вообще разница в серьёзности подхода к жизни между Радищевым и масонами ярче всего обнаруживается, если рассматривать те масонские идеи, которые как-то сближаются с юриспруденцией, бывшей для Радищева областью профессиональной деятельности. “Масоны... говорили, что храм человеческий рушится, если в основание его не положено определённых взаимных прав и обязательств. Строгий закон есть единственная правильная основа порядка; он исчезает, когда его заменяет произвол и власть захватывается грубой силой. Произвол претил масонам; они требовали закона, закона положительного, ясного”⁸². “Масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, (...) и цель его может определиться так: (...) посредством свободного и мирного прогресса достигнуть закрепления вечного и всеобщего права, на основании которого каждый человек призван к свободному и полному развитию всех своих способностей; споспешествовать всеми силами общему благу и сделать таким образом из всего человеческого рода одно семейство братьев, связанных узами любви, познаний и труда”⁸³.

Выступая с проповедями о вреде смертной казни вообще, масоны, тем не менее, не отказывались от пункта в уставе братства, где обещалась смерть отступнику от ордена или выдавшему посторонним масонскую тайну; право мести орден оставлял за собой. Масоны имели также своё мнение по поводу крепостного права, телесных наказаний и так далее; это оставалось на уровне таких же праздных рассуждений, как и вышеупомянутое требование закона ясного и положительного. Всё это вместе называлось нравственной стороной масонства. Такое спокойное отношение масонов к здешней, земной жизни, возможность ограничиться на этом свете благотворительностью вроде альтруизма Лопухина ставится на прочную основу и получает уже убедительное обоснование на уровне их идеологов. “Познание *полезное* есть необходимое для человека. Оно научает нас истинной любви, молитве и стремлению духа к высшим понятиям. (...) К сим-то последним познаниям, – замечает Шварц в конце лекции, – человек стремиться должен для своего блага: ибо он в сей жизни только

⁸¹ *Масонство в его прошлом и настоящем.* – 1914 (репринт: М., 1991). Т.1. С.

⁸² Соколовская Т.О. *Русское масонство и его значение в истории общественного движения.* – СПб, 1907. С. 39.

⁸³ Лонгинов М.Н. Там же, с. 60.

путешественник, а в будущей гражданин”⁸⁴. Если попробовать вписаться в эту терминологию, то, по-видимому, следует сказать, что Радищев уже в здешней жизни ощущал себя гражданином, и в этом источник многих его проблем.

Французские атеисты, не имеющие ничего общего с масонами во взглядах, схожи с ними в том, что тоже не заострялись на существовании глобальных противоречий; в лучшем случае, они создавали видимость аргументации при помощи *остроумия*. Радищев ничего подобного себе не позволял.

С помощью приёма повторения он снова и снова пытается донести до читателя следующий комплекс мыслей: христианский закон, безусловно, блистателен, он великолепен во всех отношениях, но он слишком мягок, тогда как мы варвары, и нам нужны практические законы, которые соответствовали бы нашей дикости. Не надо насиловать природу человека; гражданский закон должен быть основан на естественном праве. Хуже того: у Радищева не остаётся и малейшей надежды на то, что, быть может, христианский закон – это следующая, высшая ступень, до которой человечество поднимется со временем: он видит, что христианство противоположно во всём естественному праву, а значит, несовместимо с ним вовсе. Для блага человечества необходимо разъяснить ему принципы Гельвеция; Радищев это делает, и сразу вслед за этим у него следует срыв: Господи, прости мне, ведь я дитя Твое, как же смею я поднимать свой голос против Тебя? “Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непреременный, тебе же приносит тем хвалу, хваля тебя паче нашего песнопения. Ибо, проникнутый до глубины своей изящностью твоего творения, ему предстоит трепетен”⁸⁵. Всё это прямо так и попадает в книгу; вычеркнуть ничего из этого Радищев не в состоянии по причине той же двойственности ощущения. Ещё раз подчёркиваем: бесконечно важно то, что Радищев был юристом. Он одним из первых в России предложил основать гражданское право на принципах утилитаризма (и, вероятнее всего, это было одной из причин конфронтации его в конце жизни со Сперанским), показал, что это единственный выход, и немедленно вслед за тем показал, что это нереально, так как на пути встанет религия, а борьба с религией, если вести её честно, не давая себе поблажек, способна погубить человека, ибо ему всё же свойственно верить в нечто запредельное – скажем, в вечную жизнь. Атеизм жёстко требует отказаться от веры, обещая взамен идеальные законы. Ситуация выглядит тем более трагично, что

⁸⁴ Тихонравов Н.С. *Сочинения*. Т.3, ч. 1. – М., 1898. С. 78.

⁸⁵ Радищев А.Н. Там же, с. 36.

Радищев понимает необходимость выбора одного из двух путей: или мы живём по принципам Гельвеция, устранив все умозрительные построения христианства с его неисполнимыми рекомендациями, – или мы всё-таки цепляемся за религию, пустившую столь глубокие корни в наших душах, и живём среди полного развала, по каким попало законам, в нездоровой атмосфере враждебных человеку государств. Собираясь дать людям законы, основанные на разуме, Радищев вместе с тем видит и невозможность этого, если уже даже он, будущий законодатель, с самого начала не может преодолеть мелкой слабости, предрассудка... В этот самый миг вступает другой голос, выразительно спрашивающий: и это веру ты смеешь называть предрассудком? Ужели предпочитаешь думать, что тебя ничто не ждёт по смерти? Тут Радищев сбивается, голова у него идёт кругом, и он переводит разговор на какой-нибудь лёгкий предмет, но ненадолго: вскоре навязчивая идея возвращает его в ту же точку⁸⁶.

При таком раскладе странно утверждать, что “Путешествие” – это книга крамольная, направленная против государства. Да, разумеется, против государства в частности, постольку, поскольку при случае видно, что в этом государстве, да и по всей земле *всё не в порядке*, но “чудище” из эпитафия – это не государство и даже не Церковь как институция, – это христианство, равно как и смысл заглавия оды “Вольность” – “свобода от христианства” (см. описание Храма Закона, – разумеется, Закона Божьего, – в строфах 5-8). На наш взгляд, ограничиваться в комментариях словами об антикрепостнических настроениях Радищева⁸⁷ прежде всего несправедливо, да в конце концов и просто неловко. Конечно, с точки зрения Радищева *лучше*, чтобы крепостного права не было, но всё-таки крестьяне в “Путешествии” не более чем художественные образы, появляющиеся, кстати, наряду с представителями других сословий, тоже страдающими. Ему нужно было изобразить естественного человека Гельвеция, живущего по естественному закону, на садизм отвечающего садизмом (“Зайцово”) и т.д. В “Житии” эту роль играли студенты, в “Путешествии” сыграли крестьяне – должен же кто-то ощущать

⁸⁶ Т. Page (в связи с “Дневником одной недели”): “Perhaps the most intriguing feature about the “Diary” which we have had occasion to observe is its expression of the vivid torture for Radishchev of an abstract, philosophical system”. (*The Diary of One Week: Radishchev's Record of Suicidal Despair*// Russian Literature Triquarterly (R.L.T.), No 21 (18th century). – Ann Arbor, Michigan, 1988, p. 125.

⁸⁷ См., например: Бабкин Д.С. (1952, с. 5): “Всё, о чём писал или размышлял Радищев, было направлено к одной цели – свержению ненавистного царского самодержавия и освобождению народа от крепостного рабства”.

воздействие голода, холода и третьего естественного стимула Гельвеция, и не так важно, кто именно это будет.

Исследователи, делающие из Радищева фанатика, идут, как это ни забавно, вслед за Екатериной II, воспринимая основную массу её высказываний о Радищеве (“деист”, “бунтовщик” и т.д.) буквально, не подвергая их сомнению и ещё развивая. Между тем просто исходя из того, что Радищев был психически нормален, нетрудно прийти к выводу о том, что он не мог сознательно издать заведомо крамольное сочинение, хотя бы уже по причине своих домашних обстоятельств. Напротив: он, вероятно, надеялся, что книга произведёт хорошее впечатление – не на Екатерину, он вряд ли даже предполагал, что она будет читать “Путешествие”, – но на круг Воронцова, вслед за чем, быть может, начнётся реальная работа над законопроектами, и если бы он сделал это в 1770, а не в 1790 году, у него, возможно, был бы шанс. В то время (1769 г.) и Гельвеций был неплохого мнения о Екатерине, что и выразил в предисловии к своему трактату “О человеке”: “Нет теперь более разительного контраста, чем противоположность между югом и севером Европы: небо юга всё более и более завлакивается туманами суеверия и азиатского деспотизма. Небо севера с каждым днём всё более проясняется и очищается. Екатерина II, Фридрих желают стать любимцами человечества; они понимают цену истины; они побуждают говорить её; они ценят также и усилия, предпринимаемые, чтобы её открыть. Таким государям я посвящаю этот труд; они должны просветить мир”⁸⁸.

По иронии истории, Радищев оказался опасен для государства в то время, как ничего так не желал, как быть ему полезным. Государство не стало разбираться в тонкостях его чувств и умонастроений. Уже современники Радищева создали ему имидж, к которому он не имел ни малейшего отношения, и далее в истории действовал уже только этот имидж, а слабые возражения самого Радищева потонули в шуме рукоплесканий последующих поколений. “Мог ли когда либо я подумать, мог ли бы я себе вообразить, хотя на одну минуту, что вменюся со преступники?” “Естьли кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается, первое и потому, что народ наш книг не читает, что писана она слогом для простых людей не внятным, что и напечатано ея очень мало”. Неужели не верить Радищеву только оттого, что он говорил это на следствии? Но ведь истинность этих слов очевидна! Радищев не мог предполагать, что книга будет воспринята совершенно иначе, он, скорее всего, и не думал, что её можно понять

⁸⁸ Гельвеций К.А. *Сочинения в 2-х томах*. Т.2, с. 9-10.

так (что вполне естественно, если он, с его скрытым характером, писал “Путешествие”, ни с кем не советуясь и никому заранее не читая отрывков, то есть не опробовав ничего на публике). Тогда становится объяснима и паника, охватившая его после того, как вдруг с невероятной, ненормальной скоростью распродались первые экземпляры, а по городу поползли нехорошие слухи, и обморок его во время ареста и проч., несколько противоречащие концепции, согласно которой он сознательно шёл на верную смерть. (В.А. Западов: “...Ещё труднее переоценить мужество человека, отца четырёх детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет (...), сознательно идущего навстречу почти верной гибели”⁸⁹).

Нет, так дело представляется яснее: Радищев никогда не был железным человеком и пламенным революционером (что приятно) и боялся режима не меньше, чем другие; события, развернувшиеся неожиданно вокруг книги, на самом деле повергли его в ужас, а вопросы на следствии – в недоумение (и тут его, быть может, отчасти выручило то, что и послужило причиной несчастья – юридическое образование). Разумеется, он и не пытался объяснить истинного смысла книги на допросах, – такие попытки оказались бы даже не безуспешны, но губельны; кроме того, у него самого в тот момент началась затяжная полоса раскаяния в атеизме – не без влияния обстоятельств, не способствующих улучшению душевного состояния; наконец, тут уже надо было думать о детях, о просроченных паспортах, процентах в Банке и 66-ти рублях с копейками⁹⁰, поэтому он предпочёл не теряя времени признать за собой грех “суемудрия”, гордыни, тщеславия и многие другие грехи, стараясь только не упоминать запрещённого Гельвеция.

О том, что имидж Радищева как бунтовщика возник довольно рано, свидетельствует хотя бы тот факт, что уже А.С. Пушкин в своей статье “Александр Радищев” называет писателя “политическим фанатиком”. Картина его “преступления” представляется Пушкину следующим образом:

Если мысленно перенесёмся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши Законы, не изменившиеся со времён Петра I-ого, их строгость, (...) если подумаем: какие суровые люди окружали ещё престол Екатерины, – то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу

⁸⁹ Западов В.А. *Александр Радищев – человек и писатель*. В кн.: Радищев А.Н. *Сочинения*, с. 9.

⁹⁰ См. об этом: *Дело Тайной экспедиции*, с. 194.

самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединённые силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха, – а какого успеха может он ожидать? – он один отвечает за всё, он один представляется жертвой закону⁹¹.

Спасибо и на том, что Пушкин не считает, подобно цитированному нами выше Гуковскому, что за Радищевым стояло целое революционное общество и что рядовой таможенный чиновник, коллежский советник Александр Радищев “был крупной фигурой в Петербурге”. Место Радищева и в Петербурге, и в государстве в целом Пушкин оценивает вполне адекватно – и вслед за этим у него – совершенно закономерно – возникает мысль о сумасшествии.

Реакция Екатерины на “Путешествие” была недоразумением, она не поняла и не старалась понять его смысла, примеряя всё на себя и относя на свой счёт каждую невинную шутку. Только временами она *случайно* приближается к этому смыслу – скажем, когда пишет, что “сочинитель эгоист сущей и более собою занят, нежели иным чем”⁹². В “Путешествии” действительно нет ни одного места, где говорилось бы о Екатерине, но то верно, что Радищев *занят собой*. Сон в главе “Спасская Полесь” – это обвинение, во-первых, Богу, во-вторых, самому себе и потом уже – некоему абстрактному правителю. В “повести о проданных с публичного торга” из главы “Медное” также можно увидеть намёк на собственную вину. Да и вообще радищевский Путешественник занят собой несколько не менее, чем стерновский Йорик. Словом, только мнительность Екатерины, параноидальные страхи которой усугубились Французской революцией, могла заставить её увидеть во всём этом себя. Она до такой степени преувеличивает значительность собственной персоны, что уже наконец заражает этим и Радищева, который, принимая правила игры, создаёт чудовищную гиперболу: “о! ты, которую миллионы различных народов благословляют”⁹³.

Между тем много лет продержавшийся в нашей критике догмат о том, что “Путешествие” Радищева – это “призыв к

⁹¹ Пушкин А.С. *Александр Радищев*.

⁹² *Дело Тайной экспедиции*, с. 161.

⁹³ Там же, с. 171. (Гипербола в самом деле невообразима, если прочитывать её по законам современного русского языка; она становится чуть менее вопиющей, если понимать оборот “миллионы различных народов” как “миллионы людей различных национальностей”).

революции и именно народной, крестьянской революции”⁹⁴, закономерно породил в более поздние времена столь же неадекватную реакцию новых исследователей. Поскольку в течение долгого времени о Радищеве писались вещи по меньшей мере странные, – вроде того, что он сознательно шёл на подвиг и проч., откуда логически вытекало, что он был психически нездоров, то когда были сняты запреты, в исследованиях наших историков литературы возникла новая линия (появление её нетрудно было предугадать): обнаружили, что Радищев был шизофреником (А.Л. Зорин и др.). Нам не хотелось бы тратить здесь время на то, чтобы доказывать неосновательность этого взгляда с точки зрения медицинской. Например, один из симптомов шизофрении – полное равнодушие к своим родным и близким. В отношении Радищева мы располагаем сотнями свидетельств обратного; достаточно привести строки из письма к С.И. Шешковскому, писанного Радищевым в Петропавловской крепости по окончании следствия, после вынесения ему смертного приговора:

Доколе дыхание продлится в груди моей, доколе я жив буду, помышления мои, мысли и чувства от плачевного моего семейства отвращены быть не могут. Хотя не в состоянии уже более быть ему полезным чем-либо, а тем самым лишённый утешения загладить мой против их проступок, хотя остаток жития моего, будучи вовсе бесплодным, определен будет или на томное онаго скончание, или на мгновенное, или прервется естественно; доколе судьба моя не решилася, не могу возбранить себя, чтобы забыть несчастной мой дом и быть обитающим в нем чуждым.⁹⁵

Упомянутое нами новое направление в русской литературной критике является лишь естественным продолжением старого, так как базируется на прежнем тезисе о фанатизме Радищева, в то время как при серьёзном подходе к вопросу следовало бы прежде всего снять абсурдные формулировки, которыми мы обязаны старой критике. Более того, это новое направление не является даже особенно новым: “В буржуазной историографии Радищева часто называли мучеником идеи. Например, А.И. Незеленов считал его вообще больным человеком, “одержимым манией”. Смысл подобных заявлений нетрудно понять. Они подводили к ложной мысли о том, что в основе революционного выступления Радищева против крепостного рабства и самодержавия лежали не глубокие

⁹⁴ Там же, с. XIII.

⁹⁵ Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.* Т.3. С. 342.

социологические обобщения, а всего лишь импульсы, связанные с печальным состоянием его здоровья”, – пишет Д.С. Бабкин⁹⁶.

Мы не можем не задаваться ещё одним вопросом. Радищев впервые прочёл “De l’esprit” Гельвеция в юности, в Лейпциге. Возможно ли, чтобы в его взглядах не было никакой эволюции? Ведь обычно то, чем увлекаешься в юности, в зрелом возрасте вызывает только улыбку соболезнования. По-видимому, всё же возможно, так как есть люди, которые не идут дальше, не исчерпав до конца предыдущего увлечения. Радищеву не удалось создать синтезирующего учения (вероятно, потому, что создание такого учения просто невозможно), и будучи не в состоянии раз и навсегда разобраться для себя в этом учении, он не соглашался обойти преграду вместо того, чтобы её преодолеть.

Так возникает “Путешествие” – сочинение, у истоков которого смешались самая чистая вера и эгоистическая заинтересованность в индивидуальном бессмертии, мысли о благе человечества и личные амбиции, сочинение, написанное одновременно ради наличных денег и из самых святых побуждений и настолько неправильно истолкованное многими современниками и всеми поголовно потомками, что нам, чёрт бы нас побрал, должно быть поистине неудобно перед памятью автора.

Библиография

- Бабкин Д.С. *А.Н.Радищев. Литературно-общественная деятельность.* – М.-Л., 1966.
Процесс А.Н.Радищева. – М.-Л., 1952.
- Барсков Я.Л. *Переписка московских масонов XVIII столетия.* – Пг, 1915.
- Вернадский Г.В. *Русское Масонство в царствование Екатерины II.* -Пг, 1917.
- Виноградов В.В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков.* – М., 1938.
XVIII век, сб-к 12. – Л., 1977
- Гельвеций К.А. *Об уме.* – Л., 1938.
Сочинения в 2-х томах. – М., 1974.
- Лапшин И.И. *Философские воззрения Радищева.* В кн.: Полное собрание сочинений А.Н.Радищева. Т.2. – СПб, 1907.
- Лонгинов М.Н. *Новиков и московские мартинисты.* – М., 1867.
- Лопухин И.В. *Записки сенатора И.В.Лопухина.* – Лондон, 1859 (репринт: М., 1990)

⁹⁶ Бабкин Д.С. *А.Н.Радищев. Литературно-общественная деятельность.* – М.-Л., 1966. С.5.

Масонские труды И.В.Лопухина. I. Искатель Премудрости, или Духовный Рыцарь. II. Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истинны и о различных путях заблуждений и гибели. – М., 1913.

Макогоненко Г.П. *Радищев и его время.* – М., 1956.

Масонство в его прошлом и настоящем. – 1914 (репринт: М., 1991)

Пушкин А.С. *Путешествие из Москвы в Петербург.*

Александр Радищев.

Пыпин А.Н. *Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века.* – Пг, 1916.

Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений в 3-х томах.* – М.-Л., 1938 – 1952.

Путешествие из Петербурга в Москву. – М.-Л., 1935.

Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. – СПб, 1992.

Сочинения. – М., 1988.

Радищев. Материалы и исследования. – М.-Л., 1936.

Радищев Н.А., Радищев П.А. *Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями.* – М.-Л., 1959.

Тихонравов Н.С. *Сочинения Н.С.Тихонравова.* – М., 1898.

Семенников В.П. *...Радищев. Очерки и исследования.* – М.-Пг, 1923.

Соколовская Т.О. *Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия).* – СПб, (1907).

Старцев А.И. *Радищев в годы "Путешествия".* – М., 1960.

Радищев в петербургские годы. -

Университетские годы Радищева. – М., 1956.

Page T. *A Radiščev Monstrology: The Journey from Petersburg to Moscow and Later Writings in the Light of French Sources*// American Contributions to the VIII International Congress of Slavists, Zagreb & Ljubljana, September 3-9, 1978. – Columbus, Ohio, 1978.

The Diary of One Week: Radishchev's Record of Suicidal Despair// Russian Literature Triquarterly (R.L.T.), No 21 (18th century). – Ann Arbor, Michigan, 1988.

Radishchev's polemic against sentimentalism in the cause of eighteenth-century utilitarianism, – Utilitarianism and its Rebuttal in the Thought of A.N.Radishchev// Western Philosophical Systems in Russian Literature (A Collection of Critical Studies), No 3. – University of Southern California Press, Los Angeles, 1979.